

Через день Гарри привел Дафну в Выручай-комнату. Он держал дверь открытой достаточно долго, чтобы Гермиона, скрытая плащом-невидимкой, присоединилась к ним, прежде чем закрыть дверь и запереть ее.

Помещение, в котором они оказались, не было уютной спальней, которую они делили с Гермионой, и Гарри был рад этому. Вместо кровати и стульев, окруженных ровным серым мрамором, стены были сделаны из старого каменного кирпича, покрытого портьерами зеленого цвета Слизерина. На полу стояли четыре железных мангала, в которых потрескивало слабое пламя, сжигающее груды хрусталя. Круг из незнакомых рун был вырезан на полу замысловатыми линиями из серебра.

Между мангалами было углубление в полу - лежанка, заполненная черными шелковыми подушками. Гарри показалось, что это не столько место для занятий любовью, сколько подземелье для мрачных оргий, посвященных темным искусствам.

Дафна стояла над ямой, ее холодные голубые глаза ничего не выражали, пока она осматривала пространство. Ее туфли издавали странные щелкающие звуки, когда она шла.

"Это подойдет", - сказала она. "Очень хорошо, Поттер. Я готов стать частью твоего ковена".

Гарри сжал одну руку в кулак, чтобы унять нервную дрожь в пальцах. "Нет".

Она повернулась, глаза расширились. "Нет? Ты проделал весь этот путь, чтобы сказать мне "нет"? Ты хоть представляешь..."

"Дафна", - перебил Гарри. "Ты хоть понимаешь, о чем ты просишь?"

"Конечно, представляю. Я поставлю на себе твое клеймо, ты лишишь меня девственности, и мы совокупимся. Затем ты привяжешь меня к себе. Я принимаю это".

Гарри выдохнул. Так хотелось напугать ее ужасными подробностями. "Это еще не все, Дафна".

"Что ты имеешь в виду? Я прочитала всю историю моей семьи по этому вопросу..."

"Возможно, запятнанная форма истории", - сказал Гарри, опираясь на знания Гермионы. "Ваша семья, вероятно, говорила вам, что кованы - хищные, а колдуны поработили ведьм, чтобы те служили им, я прав?"

Дафна заколебалась. "Это то, что я знаю об истории своей семьи, да".

Гарри был удивлен. "Даже зная это, ты все равно хотела этого?"

Дафна отвернулась, ее глаза следили за слабым пламенем мангала. "Ты забываешь, Поттер. У меня был выбор, о чем просить. Если бы я не хотела участвовать в этом, я бы просто отнесла эту информацию Амбридж и позволила природе идти своим чередом. И я все еще могу это сделать, если ты будешь продолжать отказывать мне".

Гарри сглотнул. "Но это еще не все, Дафна. Даже если бы я согласился, я не верю, что это сработает для нас".

"Почему? Я так же хороша, как Гермиона, я могу..."

"Это не вопрос таланта", - прервал он. "Дело не в знаниях, и даже не в согласии. Шабаш - это не просто одноразовая интрижка, перепихон и заклинание. Это соединение умов и чувств. Постоянное, пока колдун не отпустит ведьму. Ты видел, как эмоции Гермионы могут проявляться через меня. Мы находим силу друг в друге. Это не похоже на Легилименцию или пенсне. Речь идет о том, чтобы знать кого-то настолько хорошо, что все, что ты делаешь, все твои мысли будут окрашены этим пониманием".

Он посмотрел в угол комнаты, где, как он знал, Гермиона наблюдала за ним.

Дафна молчала несколько минут, и Гарри ждал, что она ответит. Она повернула голову настолько, что он смог увидеть ее голубые глаза, отражающие свет камина, но она не смотрела на него.

"Ты не думаешь, что я могу кого-то полюбить", - спросила она. "Ты не думаешь, что я могу любить... тебя?"

Гарри откинулся назад, удивленный ее откровенностью. "Думаю. Я не верю, что кто-то в этом мире не способен любить. Даже Вол, даже Сами-Знаете-Кто".

Дафна поморщилась. "Это наивно. Ты бы не считала мир таким ярким, если бы знала, откуда я родом. Почему я выбрала это, а не..." Она покачала головой. "Ты не поймешь".

Гарри нахмурился. "Попробуй. Если ты хочешь, чтобы это произошло, Дафна, ты не можешь стоять там, говорить мне, что я никогда не пойму, и довольствоваться тем, что держишь эту мысль запертой в глубине своего сознания. Шабаш - это понимание, или ты не слухала?"

Дафна сделала полшага в сторону от него. "Нет, ты не понимаешь. Ты не можешь знать, что заставило бы меня броситься на тебя в какой-то проклятой, идиотской надежде, что я смогу избежать жизни, которая уготована мне!"

"Избежать?" Гарри сделал еще один шаг вперед. "Дафна, тебе угрожает какая-то опасность?"

"О, теперь он хочет помочь!" Дафна подняла руки к потолку. Горький смех вырвался из ее дрожащих губ. "Этот белый рыцарь Поттер, отправился спасать очередную глупую девчонку, которая не может себе помочь! Как будто я какая-то девица!"

Она закрыла лицо руками, дрожа как тростинка. Гарри нерешительно подошел, но остановился, не протягивая к ней руки.

"Дафна", - мягко произнес Гарри. "Что у тебя за неприятности?"

Она насмешливо хмыкнула и отвернулась, бормоча себе под нос. Гарри поймал ее за руку, чтобы остановить, а она взвизгнула и замахнулась на него ногтями. С быстротой искателя он поймал ее запястье, сбитый с толку тем, как она боролась в его хватке.

"Отпусти меня!"

"Дафна!" Он держал ее неподвижно, пока она не перестала биться. По ее лицу текли слезы, в глазах стояла смесь гнева и боли. "Пожалуйста. Скажи мне."

Она фыркнула и испустила дрожащий вздох. "Ты не знаешь, каково это, Поттер. Быть мной".

Гарри отпустил ее. "Нет. Не знаю. Но я хочу знать, от чего ты пытаешься убежать. Я хочу помочь, если смогу".

Дафна посмотрела на него, ее лицо искажалось между грустью и отвращением, хотя он все еще не мог понять, почему. "Я - старший ребенок Гринграссов. Мы - одна из старейших семей волшебников в мире. Мои родители называют нас "чистокровными", как будто это что-то значит. Но эта одержимость чистотой поработила меня на всю жизнь!"

Она закрыла глаза. "Меня с рождения воспитывали как приз. Меня держали в башне, как куклу в коллекции, воспитывали как послушную дочь. Хорошо воспитанным ребенком. Идеальной ученицей. А теперь, когда я достигла совершеннолетия, я должна быть послушной женой".

Она выплюнула эти слова с ядом. "Мои родители всегда верили, что Темный Лорд вернется, чтобы уничтожить "неэффективное общество", которое не проявляет к чистокровным должного "уважения". Теперь, когда он вернулся, меня предложат высокопоставленному Пожирателю смерти, и я стану для него кобылой. Ничто иное, как трофей для фашистского самодержца, чтобы моя семья могла продолжать вести изнеженную жизнь при новом режиме!"